

ЭРНЕСТ

ХЕМИНГУЭЙ

*ПРАЗДНИК,
КОТОРЫЙ ВСЕГДА С ТОБОЙ*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Эрнест Миллер Хемингуэй

Праздник, который всегда с тобой

«ФТМ»

«Издательство АСТ»

1961

УДК 821.111-31(73)

ББК 84 (7Сое)-44

Хемингуэй Э.

Праздник, который всегда с тобой / Э. Хемингуэй — «ФТМ»,
«Издательство АСТ», 1961 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-087153-7

Париж «золотых двадцатых» для миллионов читателей всего мира навеки останется «Парижем Хемингуэя» – городом, где, не имея за душой лишнего гроша, можно жить, работать и быть счастливым. Десятилетиями это произведение публиковалось по изданию 1964 года, вышедшему спустя три года после смерти писателя. Однако внук и сын писателя Шон и Патрик, проделав огромную работу, восстановили подлинный текст рукописи в том виде, в каком он существовал еще при жизни писателя. Теперь у читателя есть возможность познакомиться с тем «Праздником...», который хотел представить ему сам Эрнест Хемингуэй... В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-5-17-087153-7

© Хемингуэй Э., 1961

© ФТМ, 1961

© Издательство АСТ, 1961

Содержание

Предисловие	6
Благодарности	8
Вступление	9
1	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Эрнест Хемингуэй

Праздник, который всегда с тобой

Ernest Hemingway A MOVEABLE FEAST

Впервые опубликовано издательством Scribner, a division of Simon & Schuster Inc.

© Hemingway Foreign Rights Trust, 1964

Copyright renewed © 1992 by John H. Hemingway, Patrick Hemingway, and Gregory

Hemingway

© Restored edition copyright © 2009 by the Hemingway Copyright Owners

© Foreword copyright © 2009 by Patrick Hemingway

© Introduction copyright © 2009 by Seán Hemingway

© Перевод. В. П. Гольшев, наследники, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

* * *

Предисловие

Новое поколение читателей Хемингуэя (есть надежда, что потерянного поколения здесь никогда не будет) имеет возможность прочесть опубликованный текст, который является менее препарированным и более полным вариантом оригинального рукописного материала, задуманного автором как воспоминания о парижских годах, когда он был молодым формирующимся писателем, – об одном из счастливейших переходящих праздников.

Издавна сложилось так, что важные литературные произведения публиковались в разных вариантах. Возьмем, например, Библию. Я был воспитан в римско-католической религии моей бабкой по матери Мэри Дауни, родившейся в графстве Корк, и в молодые годы слышал, как Библию читали на воскресных службах и в праздники – и сам читал ее – римско-католическую Библию Дуайт-Реймс, которая отличается от Библии короля Якова и текстуально ближе к латинской Вульгате.

Сравните два первые стиха:

DRV:

1. In the beginning God created the heaven and the earth.
2. And the earth was without form, and void; and darkness was upon the face of the deep. And the Spirit of God moved upon the face of the waters¹.

KJV:

1. In the beginning God created the heaven and the earth.
2. And the earth was void and empty, and darkness was upon the face of the deep; and the Spirit of God moved over the waters².

LVV:

1. in principa creavit deus caelum et terram.
2. terra autem erat inanis et vacua et tenebrae super faciem abyssi et spiritus dei ferebatur super aquas³.

Я сравнил эти три варианта, и у меня создалось четкое впечатление, что из-за неопределенности в латинском тексте я стою перед выбором: либо Дух Божий плыл по течению, как водоросли в Саргассовом море, либо реял над водами, как альбатрос в тропических морях.

Второе для меня казалось более подобающим Богу, и, видимо, протестантские священники, переводчики Библии короля Якова, считали так же. Ни протестанты, ни католики не могли обратиться за ответом к Богу в случае таких неясностей. То же самое – с Хемингуэем. Он умер, не успев дать окончательный вариант предисловия, названия главам, концовку и заглавие своим мемуарам, и, как в случае с матерью старого гаучо в книге Хадсона «Далеко и давно», связаться с ним на предмет выяснения не было никакой возможности.

Что я могу сказать о заглавии? Мэри Хемингуэй взяла его из разговора мужа с Аароном Хотчнером: «Если тебе повезло в молодости жить в Париже, то, где бы ты ни очутился потом, он остается с тобой, потому что Париж – это переходящий праздник».

¹ 1. В начале сотворил Бог небо и землю. 2. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился *по воде*.

² 1. В начале сотворил Бог небо и землю. 2. Земля же была пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился *над водою*.

³ 1. В начале сотворил Бог небо и землю. 2. Земля же была пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился *над водою [по воде]*.

Когда мой отец получил возможность жениться на моей матери Полине, он согласился перейти в католичество и пройти катехизацию. В детстве, как и положено протестанту, Хемингуэй прошел основательную религиозную подготовку, но в полевом госпитале на итальянском фронте, в ночь после того, как он был ранен осколком мины, его причащал капеллан-католик – и, подобно знаменитому французскому королю, чью статую отец упоминает в парижских мемуарах, он решил, что Полина стоит обедни.

Мне представляется, что священник – скорее всего из церкви Сен-Сюльпис, куда Полина ходила на службу из своей квартиры неподалеку, – отнесся к своему наставничеству с полной серьезностью. Одним из понятий, которые он, вероятно, обсуждал с отцом, было понятие подвижных или переходящих праздников. Он, наверное, объяснил, что эти важные церковные праздники привязаны к переменной дате Пасхи, и потому их дата тоже меняется. Тогда Хемингуэй мог вспомнить одну из самых знаменитых речей у Шекспира – речь Генриха V перед битвой при Азинкуре в День святого Криспина. День святого Криспина – неподвижный праздник. Каждый год его отмечают в один и тот же день, но если в этот день вы сражались, говорит Генрих, он всегда будет с вами.

Сложность с переходящими праздниками заключается в вычислении календарной даты Пасхи в данном году. Из нее уже просто выводится дата каждого переходящего праздника. Вербное воскресенье отмечается за семь дней до Пасхи.

Вычисление календарной даты Пасхи – непростая задача. Собирание правил этого вычисления называется пасхалией. Удобный алгоритм вычисления предложил великий математик Карл Фридрих Гаусс. Должно быть, эти двое, наставник и ученик, получали большое удовольствие от подобных глубоких бесед. Интересно, не мог ли поучаствовать в них Джеймс Джойс?

С годами идея переходящего праздника стала для Хемингуэя чем-то очень похожим на то, чего желал своей «горсточке счастливых» король Гарри: чтобы День святого Криспина стал памятью и даже состоянием бытия, частью тебя, которая пребудет с тобой всегда, и, куда бы тебя ни занесло, как бы ни жил ты после этого, ты ее никогда не утратишь. Переживание, впервые зафиксированное во времени и пространстве, или душевное состояние, такое как счастье или любовь, перемещается с тобой или переносится в пространстве и во времени. У Хемингуэя было много подвижных праздников, кроме Парижа; среди них – день высадки в Нормандии на участке «Омаха». Но чтобы иметь такие праздники, нужна память. Когда память ушла и ты осознаешь, что она ушла, можно впасть в отчаяние, а это грех перед Святым Духом. Электрошоковая терапия может уничтожить память, как уничтожает ее смерть или безумие, но, в отличие от смерти и безумия, ты остаешься с сознанием, что она уничтожена.

Теперь, когда вы подготовлены, я могу привести последние слова, написанные отцом в качестве профессионального литератора, – истинное предисловие к «Празднику»:

«Эта книга содержит материал из *remises*⁴ моей памяти и моего сердца. Пусть даже одну повредили, а другого не существует».

Патрик Хемингуэй

⁴ *Кладовой, хранилища (фр.)*. – Здесь и далее примеч. пер.

Благодарности

Прежде всего я благодарю Патрика Хемингуэя за то, что он предложил мне идею этой книги, возложил на меня эту задачу, и за его благородную помощь. Для меня было редкой привилегией работать непосредственно с рукописями моего деда. Этот проект, над которым я работал несколько лет и в самых разных местах, тоже был в своем роде подвижным праздником. Я глубоко благодарен Майклу Катакису, менеджеру Хемингуэевского фонда по зарубежным авторским правам, и Бранту Рамблу, моему редактору в издательстве «Саймон и Шустер». Хочу выразить признательность за безотказную поддержку Деборе Лефф, бывшему директору Библиотеки имени Джона Ф. Кеннеди в Бостоне, директору Тому Патнему и куратору Хемингуэевского собрания библиотеки Сюзен Ринн. Без их любезной помощи этот проект не мог бы осуществиться. Я благодарен Джеймсу Хиллу из аудиовизуального архива Библиотеки Кеннеди за содействие в поиске фотографий.

Знания о деде и его работе, накопленные мною за годы, происходят из многих источников. Что касается этого проекта, особая моя благодарность родителям – Валерии и Грегори Хемингуэй, а также Патрику и Кэрол Хемингуэй, Джеку Хемингуэю и Джорджу Плимптону. Я признателен Джозефу и Патриции Чапски, Лизе Кисел и Дж. Александру Маккиглврею. Работая над проектом, я знакомился с многочисленными учеными трудами и мемуарами о Париже 1920-х годов; некоторые из них упомянуты в моем вступлении. В частности – монографии о книге «Праздник, который всегда с тобой» Жаклин Тавернье-Курбен и Джерри Бреннера были в высшей степени полезны и останутся фундаментальными источниками для всех последующих исследований. И наконец, хочу поблагодарить мою единомышленницу и душевного друга Колетт, помогавшую мне во многих отношениях, и Анук, которая появилась под конец проекта и принесла с собой понимание и радость.

Вступление

В ноябре 1956 года администрация отеля «Ритц» в Париже убедила Эрнеста Хемингуэя забрать два маленьких сундука, которые он хранил там с марта 1928 года. В них лежали забытые вещи, оставшиеся от первых лет его пребывания в Париже: машинописные страницы прозы, блокноты с материалами для романа «И восходит солнце», книги, газетные вырезки, старая одежда. Чтобы переправить этот ценный груз домой в Финку на Кубе, Эрнест и его жена Мэри перед плаванием через Атлантику на «Иль-де-Франс» купили большой пароходный сундук фирмы «Луи Вюиттон». Я видел этот сундук в нью-йоркской квартире моей крестной матери Мэри и до сих пор помню это элегантное кожаное сооружение с медными углами, броским логотипом «Луи Вюиттона» и тиснеными золотыми инициалами «ЭХ». Сундук был так велик, что я легко поместился бы в нем целиком, и, глядя на него, я дивился тому, какую великолепную, полную приключений жизнь прожил мой дед.

Вполне возможно, что у Хемингуэя и раньше возникало желание написать о своих первых годах в Париже – например, во время долгого выздоровления после почти фатальных авиакатастроф в Африке в 1954 году, – но толчок работе дает повторное знакомство с этими материалами, «мемориальным посланием» из эпохи, когда он формировался как писатель. Летом 1957 года он начал работу над «Парижскими записками», как он их называл. Он работал над ними на Кубе и в Кетчуме и даже повез в Испанию летом 1959 года, а осенью – в Париж. В ноябре 1959-го Хемингуэй закончил и отдал в «Скрибнерс» черновой вариант, в котором не хватало только введения и последней главы. «Праздник, который всегда с тобой», изданный посмертно в 1964 году, рассказывает о жизни автора в Париже с 1921 по 1926 год. Внимательное изучение рукописей книги «Праздник, который всегда с тобой» показывает, что в ней использовано сравнительно мало раннего рукописного материала. Особняком здесь стоит глава о поэте Чивере Даннинге, которую можно напрямую связать с очень ранним черновиком рассказа, описанного Хемингуэем в письме Эзре Паунду от 15 октября 1924 года. Помимо этого, части главы «Форд Мэдокс Форд и ученик дьявола» подобраны из материала, исключенного Хемингуэем из романа «И восходит солнце» и заново обнаруженного в блокнотах, которые он нашел в сундуках из «Ритца». «Праздник, который всегда с тобой» – первая и наиболее законченная из книг Эрнеста Хемингуэя, опубликованных посмертно, и Мэри Хемингуэй в своем редакторском предисловии утверждает, что книга была завершена весной 1960 года, когда он произвел очередную правку рукописи в Финке. На самом деле Хемингуэй не считал книгу законченной.

Это новое, особое издание книги «Праздник, который всегда с тобой» – классические мемуары моего деда о его первых годах в Париже – выходит через пятьдесят лет после того, как он закончил черновой вариант книги. Здесь впервые представлен подлинный текст рукописи в том виде, в каком она существовала на момент его смерти в 1961 году. В предыдущие годы Хемингуэй сделал несколько редакций основного текста, однако не написал введение и последнюю главу, такие, какими был бы удовлетворен; не выбрал он и заглавие. Фактически Хемингуэй продолжал работать над книгой еще в апреле 1961 года.

За три года, прошедшие между смертью автора и первой публикацией книги весной 1964-го, Мэри Хемингуэй и редактор «Скрибнерс» Гарри Браг подвергли рукопись значительной правке. Некоторая – незначительная – часть материала, который Хемингуэй намеревался включить в книгу, была исключена, а другой материал, который он написал для книги, но затем решил выбросить, был добавлен – в частности, глава под названием «Рождение новой школы», значительная часть главы об Эзре Паунде, теперь получившая название «Эзра Паунд и Гусеница-землемерка», и значительная часть главы, прежде называвшейся «Париж никогда не кончается», а теперь переименованной в «Зимы в Шрунсе». «Введение» на самом деле не было

написано Хемингуэем; его составила Мэри Хемингуэй из фрагментов рукописи, и по этой причине оно в нынешнее издание не вошло. Подобным же образом редакторы изменили порядок некоторых глав. Глава 7 стала главой 3, глава 16 о Шрунсе была поставлена в конец и дополнена материалом из главы, где Хемингуэй описывал свой разрыв с Хэдли и женитьбу на Полине Файфер. Этот текст впервые публикуется здесь под заглавием «Рыба-лоцман и богачи». Хемингуэй решил не включать его в книгу, потому что рассматривал свои отношения с Полиной как начало, а не конец.

Публикуемые здесь девятнадцать глав «Праздника, который всегда с тобой» воспроизводят машинописный оригинал с собственноручной правкой Хемингуэя – последний вариант последней книги, над которой он работал. Оригиналы находятся в Хемингуэевском собрании Библиотеки имени Джона Ф. Кеннеди в Бостоне, Массачусетс, – главном хранилище рукописей Хемингуэя. Хотя в рукописи нет последней главы, я полагаю, что в таком виде она значительно ближе к тому варианту, который намеревался опубликовать мой дед.

Кроме того, в опубликованном тексте «Праздника» содержались незначительные поправки, которые редактор едва ли внесла бы, если бы ей пришлось испрашивать разрешения у автора. Эти поправки удалены. Самые существенные из них, мне кажется, – замена во многих местах второго лица в повествовании на первое; начинается это с первого абзаца первой главы и проведено по всему тексту (см., напр., илл. 1)⁵. Этот тщательно продуманный литературный прием создает впечатление, что автор разговаривает с собой, и за счет повторяющегося «ты» читатель подсознательно вовлекается в повествование.

Особенно смущает правка, сделанная в 17-й главе – главе о Скотте Фицджеральде. Окончательный текст Хемингуэя (см. илл. 7) выглядит так:

«Талант его был таким же природным, как узор пыльцы на крыльях бабочки. Какое-то время он сознавал это не больше, чем бабочка, и не заметил, как узор стерся или потускнел. Позже он почувствовал, что крылья повреждены, понял их конструкцию и научился думать. Он опять летал, и мне по счастью случилось встретиться с ним сразу после хорошего периода в его творчестве, пусть и нехорошего в жизни».

А в посмертном издании читаем:

«Талант его был таким же природным, как узор пыльцы на крыльях бабочки. Какое-то время он сознавал это не больше, чем бабочка, и не заметил, как узор стерся или потускнел. Позже он почувствовал, что крылья повреждены, понял их конструкцию, и научился думать, и летать больше не мог, потому что любовь к полету исчезла, и только помнилось, что когда-то полет не требовал усилий».

Очевидно, что редакторы взяли этот текст из более раннего черновика (см. илл. 6), отвергнутого Хемингуэем, и это редакторское решение, представляющее Фицджеральда менее сочувственно, чем в окончательном авторском варианте, кажется совершенно неоправданным.

Сам Хемингуэй в рукописи дал названия только трем главам: «Форд Мэддокс Форд и ученик дьявола», «Рождение новой школы» и «Человек, отмеченный печатью смерти» (см. илл. 4).

Заглавия первого издания, за исключением упомянутых выше, сохранены ради удобства читателей, знакомых с книгой. Названия дополнительным, прежде не публиковавшимся этюдам дал я сам.

Большое количество материала, написанного для этой книги, Хемингуэй отверг, следуя «старому правилу: насколько хороша книга, судит пишущий ее по тому, насколько хорош материал, от которого он отказался». Для книги было написано по меньшей мере еще десять глав разной степени законченности. Они включены здесь в отдельный раздел после основного текста. Все они не были завершены в том виде, который удовлетворил бы самого автора, и потому

⁵ Здесь и далее приведены ссылки на илл., содержащиеся в издании: Хемингуэй, Э. Праздник, который всегда с тобой / Э. Хемингуэй. – М.: АСТ, 2011. – 288 с. – (XX век – The Best).

не могут считаться законченными. Некоторые главы переписывались и существуют в двух черновиках, другие – только в одном рукописном. Большинство читателей, я думаю, согласятся, что в совокупности эти главы являются весьма интересным дополнением к книге.

Главы в «Празднике, который всегда с тобой» расположены не в строгом хронологическом порядке. Ввиду этого я расположил дополнительные главы, руководствуясь собственной логикой. «Рождение новой школы» идет первой, потому что эта глава была включена в первое издание книги и редакторы поместили ее между главами «Форд Мэдокс Форд и ученик дьявола» и «С Паскиным в кафе “Дом”». Хемингуэй написал два возможных финала главы, которые были подправлены и частично объединены редакторами первого издания. Оба финала приведены здесь в том виде, в каком их написал Хемингуэй. Аналогично текст «Эзра Паунд и его “Bel Esprit”», напечатанный в первом издании, был написан как отдельная глава и на самом деле исключен Хемингуэем.

Затем идет «От первого лица» – потому что этот текст отличен от остальных. Он посвящен писательской технике, а не конкретным воспоминаниям, и как описание процесса представляется более уместным в начале, а не в конце. Пусть и незаконченный, он проливает свет на творческий процесс и высмеивает так называемую «детективную школу» литературной критики. Большинство молодых авторов пишут беллетристику, черпая из собственного опыта; Хемингуэй же, как он объясняет в этом этюде, использовал много материала, полученного из первых и вторых рук. Например, он пишет о том, как расспрашивал участников Первой мировой войны, а его мастерство исторического повествования нигде не проявилось так наглядно, как в романе «Прощай, оружие»: отступление под Капоретто изображено с необыкновенной точностью, и даже трудно поверить, что он не участвовал там в боевых действиях.

«Тайные радости» – рассказ о том, как Хемингуэй носил длинные волосы и они с Хэдли решили отрастить их до одинаковой длины. Относится это скорее всего к зиме 1922/23 года, когда они жили в Шамби-сюр-Монтре, в Швейцарии, а не в Шрунсе, и в данном случае Хемингуэй изменил факты, чтобы улучшить рассказ. Рассказ, сохранившийся только в виде единственного рукописного черновика, смел в том смысле, что более откровенно изображает отношения автора с женой и чем-то напоминает некоторые места из посмертно изданного романа Хемингуэя «Райский сад». Эрнест Хемингуэй предстает в нем молодым интеллигентом, обладателем единственного приличного костюма и пары туфель, журналистом, который вынужден соблюдать социальные условности, чтобы не потерять работу. Длина волос – тема, не чуждая и сегодняшним молодым людям, находящимся в начале пути. Хемингуэй объясняет сложность мотивов и последствий, связанных с простым, казалось бы, делом – отращиванием волос: переход к новому, богемному стилю жизни профессионального писателя, экономия на парикмахерской и благодаря этому невозможность посещать модный квартал в богемном облике, что вынуждало, в свою очередь, целиком сосредоточиться на литературной работе; презрительное отношение коллег-журналистов и совершенно иное восприятие длинных волос у японцев, с которыми Хемингуэй познакомился в квартире Эзры Паунда и восхищался их длинными прямыми черными волосами. Этот практичный шаг и в то же время вызов социальным условностям перерастает у него и Хэдли в замысел отрастить волосы до одинаковой длины – своего рода их общая радостная тайна. Хемингуэй комически сопоставляет сцену в Париже со сценой в Шрунсе, где местный парикмахер решает, что Хемингуэй – вестник новой парижской моды, и склоняет к ней других клиентов.

«Странный боксерский клуб» – рассказ о малоизвестном канадском боксере Ларри Гейнсе и его причудливых тренировках в «Стад Анастази» – танцевальном зале с рестораном в небезопасном районе Парижа, где бои проводились для увеселения посетителей, а боксеры работали официантами. В этом необычном портрете парижской жизни 1920-х годов проявляется интерес Хемингуэя к боксу – он и сам любил боксировать и писал о важных боях в газете.

Занимаясь ли спаррингом с Эзрой Паундом у него в квартире или критически оценивая действия неискушенного Ларри Гейнса, Хемингуэй заявляет себя знатоком этого искусства.

«Едкий запах лжи» – нелестный портрет Форда Мэдокса Форда, чье дыхание было более «смордным, чем в фонтане кита». Сильная неприязнь Хемингуэя к Форду долго озадачивала биографов, особенно если учесть, какие похвалы расточал в печати Форд прозе Хемингуэя и то, что он взял его заместителем редактора в свой журнал «Трансатлантик ревью». Согласно одной теории, причиной были денежные разногласия. В этом этюде Хемингуэй связывает свою «необъяснимую антипатию» к Форду с тем, что был не в силах выслушивать его непрерывную ложь.

«Образование мистера Бамби» сохранилось в единственном рукописном черновике. Здесь Эрнест и его сын Джек по прозвищу Бамби встречаются с Фрэнсисом Скоттом Фицджеральдом в «нейтральном кафе». В этом этюде Хемингуэй еще раз говорит о проблемах Фицджеральда с алкоголем и о ревности Зельды к его работе. Хемингуэй рассказывает Скотту о Первой мировой войне, а потом говорит Бамби, что их друг Андре Массон пострадал на войне и тем не менее продолжал плодотворно заниматься живописью. Массон провоевал два с половиной года, в 1917 году был ранен в грудь и потом страдал депрессией. У Массона с Жоаном Миро была общая мастерская, и Хемингуэй не раз их навещал. Он купил у Массона три лесных пейзажа; теперь они висят в Библиотеке имени Джона Ф. Кеннеди, в Хемингуэевском зале, и производимое ими особое, таинственное впечатление, возможно, объясняется тем, что война оставила глубокий след в душе художника.

«Скотт и его парижский шофер» – рассказ скорее о Фицджеральде, чем о Париже; действие его происходит в Америке после футбольного матча в Принстоне, на котором Фицджеральды и Хемингуэй присутствовали осенью 1928 года. Понятно, почему Хемингуэй решил не включать его: он выпадает из хронологических рамок книги. Однако черный юмор и автомобильная тема делают этот очерк естественным продолжением главы, где Эрнест и Фицджеральд едут из Лиона в Париж на «рено» без крыши, и сообщает дополнительную яркость изображению «сложных трагедий, щедрости и верности» Скотта.

Судя по рукописям (см., напр., илл. 5), труднее всего Хемингуэю давался рассказ о том, как он изменил Хэдли с Полиной и о конце его первого брака. В каком-то смысле он был бы логичным финалом книги, и понятно, почему Мэри Хемингуэй решила именно так ее закончить. Однако, написав эту главу, которая включена в данное издание под названием «Рыболоцман и богачи», Хемингуэй счел ее непригодной для завершения книги, поскольку считал женитьбу на Полине началом, а не концом, а героиня книги Хэдли оставалась здесь покинутой и одинокой. Хуже всего то, что в издании 1964 года эта глава представлена в сокращенном виде. Раскаяние Хемингуэя, ответственность за разрыв, которую он берет на себя, «невероятное счастье» с Полиной – все это вырезано редакторами. В данном издании читатели могут впервые увидеть полностью текст, написанный Хемингуэем. Радикально сокращая текст главы, Мэри Хемингуэй, его четвертая и последняя жена, руководствовалась, видимо, своими личными отношениями с Эрнестом, а не интересами книги и автора, который выступает в ее версии неосознанной жертвой, каковой он явно не был (см. ту же илл. 5).

Глава «Nada у Pues Nada» была написана за три дня, 1–3 апреля 1961 года, как предположительный финал книги. Этот последний связный текст, написанный Хемингуэем для книги воспоминаний, сохранился в единственном рукописном черновике (см. илл. 8). Помимо того что текст является существенным дополнением к книге, он отражает душевное состояние автора в этот период, всего за три недели до попытки самоубийства. Замечательна преданность Хемингуэя работе, несмотря на подорванное здоровье и в особенности паранойю и жестокую депрессию, которая на него обрушилась. Сказать, как и в лучшие времена, что он рожден для того, чтобы писать, «этим занимался и хочу заниматься дальше», наверное, было нелегко, сознавая, что работа идет нехорошо, причем уже довольно долгое время. В послед-

нем предложении он пишет, что память его повреждена – вероятно, имея в виду недавнее пребывание в клинике Мэйо, где его подвергли шоковой терапии, – а сердце не существует. Как заметил в «Маленьком принце» друг Хемингуэя по гражданской войне в Испании Антуан де Сент-Экзюпери, зорко одно лишь сердце, потому что самого главного глазами не увидишь. Это выражение отчаяния – печальное предвестие конца, и Хемингуэй закончит счеты с жизнью меньше чем через три месяца.

В неотправленном письме Чарльзу Скрибнеру-младшему от 18 апреля 1961 года Хемингуэй сообщает, что он не в состоянии закончить книгу так, как надеялся, и предлагает напечатать ее без последней главы. Он говорит, что больше месяца пытался написать заключительную часть. Неудавшиеся начала введения и заключительной части, собранные в разделе «Фрагменты» данного тома, вероятно, написаны в этот период. Кроме того, он приводит длинный список возможных названий книги. Привычка составлять список вариантов названия образовалась у него еще в 1920-х годах, когда он писал рассказы, вошедшие в сборник «В наше время». Некоторые названия – озорные, некоторые – серьезные, и он часто говорил, что наилучший источник для поиска названий – Библия. На первый взгляд список названий, составленный Хемингуэем в этот период, кажется ужасным и, возможно, свидетельствует о том, до какой степени ослабел его рассудок. Среди них такие: «То, о чем никто не знает», «Надеяться и писать хорошо (парижские истории)», «Написать об этом верно», «Хорошие гвозди делаются из железа», «Грызя ноготь», «Кое-что, как оно было», «Некоторые люди и места», «Как оно начиналось», «Любить и писать хорошо», «На ринге все иначе» и мое любимое: «Насколько все было иначе, когда ты сам там был».

Сам он склонялся к названию «Ранний глаз и ухо (Каким был Париж в те ранние дни)». Оно похоже на пассаж из медицинского учебника, который мог принадлежать его отцу. Но, серьезно говоря, я думаю, что Хемингуэй пытался здесь вычленивать то, что считал важнейшими гранями своей писательской техники. Глаз – термин, распространенный среди знатоков изобразительного искусства, – подводит к интересному сопоставлению литературы с живописью; этой теме Хемингуэй касается в «Празднике, который всегда с тобой», в особенности своей учебы на картинах Сезанна. Первым делом Хемингуэй развил в себе зрение, способность отличать золото от колчедана и превращать свои наблюдения в прозу, – и произошло это в двадцатых годах в Париже. Ухо же, которое представляется нам больше относящимся к музыке, чрезвычайно важно и в художественной литературе. Проза Хемингуэя, как правило, звучит очень хорошо, когда ее читают вслух. В законченном виде письмо его настолько плотно, что каждое слово является неотъемлемой частью, как нота в музыкальном сочинении. В первые парижские годы он постиг важность ритма и повторов, познакомившись с произведениями Гертруды Стайн и, главное, Джеймса Джойса, чей шедевр «Улисс», изданный «Шекспиром и компанией» Сильвии Бич, являет собой виртуозную демонстрацию возможностей английской прозы и особенно оживает, если читать его вслух. «Ранний глаз и ухо» указывает на необходимость оттачивать свое мастерство, в чем Хемингуэй был глубоко убежден и над чем работал всю жизнь. Талант предполагается – хороший глаз и хорошее ухо должны у вас быть изначально, – но чтобы развить писательские способности, нужен и опыт, и Париж тех лет был в этом смысле идеальным местом для Хемингуэя. Кстати говоря, многие первые рукописные черновики «Праздника, который всегда с тобой» исключительно чисты и служат ярким свидетельством его таланта (см. илл. 2–3), даже в последние годы жизни. Бессмертная проза является на странице в полном вооружении, как богиня Афина из головы Зевса.

Окончательное название «A Moveable Feast» (буквально – «Переходящий праздник») дала книге Мэри Хемингуэй после смерти автора. В рукописях оно не встречается; его предложил Мэри А. Э. Хотчнер, который вспоминает, что Хемингуэй произнес эту фразу, беседуя с ним в парижском баре «Ритц» в 1950 году. В написании заглавия мы следуем личной склонности Хемингуэя сохранять букву «e» в словах, оканчивающихся на «ing», образованных от

глаголов, оканчивающихся на «e». Это придает названию особый авторский отпечаток, а кроме того, «ea» в *Moveable* дает приятный зрительный повтор с «ea» в *Feast*. В своем предисловии Патрик Хемингуэй объясняет историческое значение термина и его возможные ассоциации в творчестве и жизни моего деда.

Читаете ли вы эту книгу впервые или вернулись к ней как к старому другу, «Праздник, который всегда с тобой» сохраняет поразительную свежесть. Недавно я отправился в Париж, чтобы проследить за доставкой мраморного бюста греческого историка Геродота из музея Метрополитен в Лувр для выставки, посвященной истории Вавилона от третьего тысячелетия до н. э. до эпохи Александра Великого и мифу о Вавилоне, когда этот великий город стал легендарным местом и библейским символом разложения. Мне вспомнился рассказ Ф. Скотта Фицджеральда «Опять Вавилон», где он изображает Париж середины 1920-х – время, когда там жил Хемингуэй, – как город излишеств, бесконечных вечеринок и яркого декаданса. И насколько же другим стал для Фицджеральда город в конце десятилетия, во время Великой депрессии, когда его писательская карьера пошла на спад. Во время моего недавнего посещения, при слабом долларе и кризисе в США, американцев в Париже было не много. Если при Хемингуэе в 1920-х «обменный курс был чудесным», то теперь маятник качнулся в другую сторону, и жизнь в Париже для приезжих американцев стала недешева. Для меня Париж (и как справедливо отмечал дед, у каждого с ним свои отношения) был живым, вдохновляющим городом, средоточием красоты и света, истории и искусства.

Для моего деда, в те годы только начинавшего, Париж был просто самым лучшим на свете местом для работы и навсегда остался самым любимым городом. Сейчас уже не увидеть пастуха со свирелью, ведущего стадо коз по парижским улицам, но если вы посетите места на левом берегу, о которых писал Хемингуэй, или бар «Ритц», или Люксембургский сад, где недавно побывали мы с женой, то сможете почувствовать, каким Париж был тогда. Впрочем, для этого не обязательно ехать в Париж – просто прочтите «Праздник, который всегда с тобой», и он унесет вас туда.

Шон Хемингуэй

1

Хорошее кафе на площади Сен-Мишель

Потом погода испортилась. Так в один день кончилась осень. Ночью ты закрывал окна от дождя, и холодный ветер обрывал листья с деревьев на площади Контрэскарп. Размокшие листья лежали под дождем, ветер охлестывал дождем большой зеленый автобус на конечной остановке, кафе «Дез аматёр» было забито народом, и окна запотевали от тепла и дыма внутри. Кафе было печальное, паршивое, там собирались пьяницы со всего квартала, а я его избегал из-за запаха невымытых тел и кислого перегара. Женщины и мужчины, собиравшиеся там, были пьяны все время или пока хватало денег – большей частью от вина, которое брали литровыми или полулитровыми бутылками. Там предлагали разные аперитивы со странными названиями, но позволить их себе могли немногие – да и то в качестве фундамента, на котором потом надстраивали винную пьянку. Женщины-пьянчуги назывались «*poivrottes*».

Кафе «Дез аматёр» было отстойником улицы Муфтар, чудесной узкой людной торговой улицы, которая вела к площади Контрэскарп. Низенькие туалеты старых домов – по одному возле лестницы на каждом этаже, с двумя цементными приступками в форме подошвы по сторонам от очка, чтобы *lucataïge*⁶ не поскользнулся, – опорожнялись в отстойник; ночью их откачивали в цистерны на конной тяге. Летом, при открытых окнах, ты слышал звук насосов и очень сильный запах. Цистерны были окрашены в коричневый и шафрановый цвет, и в лунном свете, когда они обрабатывали улицу Кардинала Лемуана, эти цилиндры на колесах напоминали живопись Брака. А кафе «Дез аматёр» никто не откачивал, и его пожелтый плакат с расписанием штрафов за пьянство в общественных местах был так же засижен мухами и никому не интересен, как постоянна и вонюча была клиентура.

Вся печаль города проявлялась вдруг с первыми холодными зимними дождями, и не было уже верха у высоких белых домов, когда ты шел по улице, а только сырая чернота и закрытые двери лавок – цветочных лавок, канцелярских, газетных, повитухи второго сорта – и гостиницы, где умер Верлен, а у тебя была комната на верхнем этаже, где ты работал.

До верхнего этажа было шесть или восемь маршей лестницы, и я знал, сколько будет стоять пучок прутьев для растопки, три перевязанных проволокой пучка сосновых щепок длиной в половину карандаша и вязанка коротких полешков, которые я должен купить, чтобы согреть комнату. Я перешел на другую сторону улицы, чтобы посмотреть, дымят ли на мокрой крыше трубы и как сносит дым. Дыма не было, и я подумал, что дымоход, наверное, отсырел, тяги не будет, комната наполнится дымом, дрова пропадут впустую, а с ними деньги, – и пошел под дождем дальше. Я прошел мимо лица Генриха Четвертого, мимо старой церкви Сент-Этьен-дю-Мон, по продутой ветром площади Пантеона, свернул направо и вышел наконец на подветренную сторону бульвара Сен-Мишель и по нему, мимо Ключи и бульвара Сен-Жермен, добрался до площади Сен-Мишель, где знал хорошее кафе.

⁶ Жилец (фр.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.